

P-P

505/-P

Л59

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

42 змс.

Г. Т. ЛИННИК

ЛЕКСИКА РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
„ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“

(10. 660. Русский язык)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

505 (счн/)

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

- 76

100313370

К и е в — 1970

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Г. Т. ЛИННИК

ЛЕКСИКА РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
„ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“

(10. 660. Русский язык)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев—1970

Работа выполнена на кафедре русского языка Полтавского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко.

Научный руководитель — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языковедения АН УССР Г. П. Ижакевич.

Официальные оппоненты: 1) доктор филологических наук, профессор Э. М. Ахунзянов; 2) кандидат филологических наук, доцент А. Ф. Папина.

Автореферат разослан

З. М. М. М.

1970 г.

Защита диссертации состоится

1970 г.

на открытом заседании Совета филологического факультета Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького, г. Киев, бульвар Шевченко, 22-24.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь совета.

М. Ю. Лермонтов принадлежит к тем художникам слова, которые своим талантом оказали огромное влияние на последующие поколения писателей-классиков и во многом предопределили пути развития русского литературного языка. По выражению Л. Н. Толстого, «каждое слово его было словом человека, власть имеющего».* Поэтому творчество М. Ю. Лермонтова продолжает привлекать неослабеваемый интерес языковедов и литературоведов.

Творческая деятельность писателя относится к перв. пол. XIX в. — времени интенсивного формирования норм русского литературного языка, коренной ломке устоявшихся жанровых и стилевых перегородок, завещанных теорией «трех стилей» М. В. Ломоносова. М. Ю. Лермонтов оказался достойным преемником Пушкина в деле дальнейшего совершенствования литературного языка, форм его выражения, в деле осуществления синтеза тех художественно-изобразительных средств, тех достижений в области литературного языка, которые были выработаны предшествующими мастерами слова.

Вершиной реалистического искусства М. Ю. Лермонтова явился роман «Герой нашего времени». Это произведение знаменует собой появление нового жанра — психологического романа — и новый этап в дальнейшем развитии и совершенствовании использования средств литературного языка. Поэтому изучение языка этого романа может оказаться чрезвычайно плодотворным для выяснения определенных активных тенденций в развитии и становлении русского литературного языка.

Предметом диссертации является исследование лексики романа «Герой нашего времени». В работе ставится вопрос о стилистической стратификации словаря романа, о соотношении эмоционально-экспрессивной и общеупотребительной лексики, рассматривается структура словаря романа с точки зрения происхождения. Наряду с этим большое внимание уделяется творческому мастерству писателя в использовании установленных категорий слов, выявлению тех стилистических функций, которые они выполняют в романе. С этой целью широко привлекались данные словарей XIX в., а также производился сопоставительный анализ соответствующих лексических единиц в произведениях А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева. Наблюдение над лексикой затруднено прежде всего тем, что лексика представляет собой открытую систему, и системность ее носит недостаточно четкий ха-

* См. Г. А. Ру с а н о в, Поездка в Ясную Поляну, Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В двух томах, т. I, М., ГИХЛ, 1955, стр. 236.

ракти. Тем не менее возможна классификация по лексико-грамматическому, стилистическому и генетическому признакам. Выделенные, таким образом, макросистемы в свою очередь подразделяются на микросистемы. Выделение последних проводится по логико-понятийному принципу.

Во «Введении» освещена история вопроса, дается обоснование выбора темы диссертации, определены задачи исследования, характеризуется языковой материал, методика его исследования, указаны источники, которые использовались в работе, и представлена сама структура диссертации.

Первая глава — «Лексика романа с точки зрения функционально-стилистической». Систематизация лексики ведется по лингво-стилистическому признаку, а именно: во внимание принимается фактор стилистической ограниченности функционирования слов. С этой точки зрения в романе выделяется лексика общеупотребительная и стилистически ограниченная.

I. Под **общеупотребительной** лексикой мы понимаем слова нейтральные, используемые как в устной, так и в письменной форме речи в различных функциональных стилях. Анализ общеупотребительной лексики ведется в плане лексико-семантических связей с другими словами, а также в сравнении с лексическими единицами, которые входят в тот синонимический ряд, где общеупотребительное слово выступает опорным словом. Важность данной категории лексики очень часто постулируется без достаточных доказательств. В работе она подтверждается рассмотрением роли общеупотребительной лексики в создании пейзажа и портрета. «Портретной живописи» Лермонтова присуща необычайная социальная и психологическая емкость. Писатель выработал свою систему изображения, основанную на принципе психофизиологического параллелизма.*

Общеупотребительная лексика используется Лермонтовым не только для создания графического портрета персонажа, но и для психологической его характеристики. В процессе описания графического портрета персонажа Лермонтов умеет выделить наиболее существенное, важное. Эта выразительная деталь находит свое оформление в употреблении слов-лейтмотивов. Так, в портрете Веры важной деталью, выделяющей ее среди других героев, является «родника на щеке», у Бэлы — глаза, «будто два угля», у девушки-контрабандистки — «правильный нос, высокая грудь», у толстой дамы — «бородавка, прикрытая фермуаром» (262).** Немаловажную роль в дополнительной характеристике портрета героев играет описание одежды. Так, одежда Грушницкого говорит и претензиях героя на аристократизм и в то же время об отсутствии вкуса (сапоги со скрипом — 276). Душевное движение, выявляющееся во внешнем облике ге-

* В. В. Виноградов, *Стиль прозы Лермонтова*, см. «Литературное наследство», 43—44, М. Ю. Лермонтов, т. I, изд. АН СССР, М., 1941, стр. 600.

** М. Ю. Лермонтов, *Полное собрание сочинений*, т. V, изд. *Academia*, М.—Л., 1937 г. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно с указанием только страницы.

роев, обычно передается при помощи глаголов: **меняться** (примечательно, что значение «изменение в лице» это слово приобретает в контексте, вступая в лексико-семантическую связь со словом **лицо**; в современных словарях это значение фиксируется), **покраснеть**, **побледнеть**, **вздрыгнуть** и др. (Вера **вздрыгнула** и **побледнела** — 256). Писатель достигает тонкой нюансировки сложной гаммы чувств.

Лермонтовские герои — превосходные психологи. Их способность определять то или иное психологическое состояние наблюдаемого передается с помощью глагола **читать** (Я точно **прочел** на его изменившемся лице печать близкой кончины — 319).

Весика, которой пользуется писатель при создании портретной характеристики, отличается семантической наполненностью и конкретностью. Последнее качество важно с той точки зрения, что слова, обладающие конкретным значением, функционируют в романе своей потенциальной образностью, позволяя воспроизводить как бы зримые портреты людей.

Лермонтову присуща тенденция к прямому называнию предметов, явлений, качеств, полный отказ от имажинизма романтической литературы, что находит свое отражение и в создании пейзажного рисунка. Так, в романе находим группу слов, называющих части ландшафта, неба, метеорологических явлений и т. д.: луна, солнце, небо, звезды, горы, вершины, ущелье, долина, утес, скалы, обрывы, снег, облако, туман, речка, метель и др. (**Солнце** чуть показалось из-за темно-синей **горы** — 206). В целях живописания Лермонтов использует конкретную лексику в переносном значении, которая функционирует в качестве тропов общеязыковых или индивидуально-авторских (**Хороводы** звезд чудными узорами сцетались на дальнем небосводе — 205. Воздух чист и свеж, как **поцелуй ребенка** — 240).

Важную роль в создании пейзажного рисунка играют слова, дающие качественную характеристику предметам, явлениям и т. д.: золотой, льдистый, кремнистый, холодный, полиный, мелкий, черный и др. Особое внимание привлекают те из них, которые обозначают цвет и его оттенки, указывающие на богатство палитры художника. Как живописец Лермонтов пользовался красками, как писатель он пользовался словами, которые называют цветовые признаки и их оттенки: белый, золотой, черный, красный, голубой, бледный, зеленый, синий, серый, темный, лиловый, желтый, красноватый, бледно-лиловый и др. (**Голубое небо** — 233. **Красноватые** скалы, обвешанные **зеленым** плетом..., **желтые** обрывы — 187.. **бледноватый** отблеск востока разливался на **темно-лиловому** своду — 201). Важная роль принадлежит глаголам со значением явления признака цвета (а дальше **синелись** зубчатую стеною горы — 220).

Привлекает внимание также использование прилагательных с конкретным значением в качестве метафорических эпитетов (**кудрявых** гор — 258..., **густолиственные** кусты осыпали нас **серебряным** дождем — 289). Лермонтовский пейзажный рисунок чаще всего динамичен. Этот динамизм достигается путем использования слов: спускаться, сиять, дышать, тянуться, показываться, бежать, вставать и др. (Солице **садила** — 305).

Как показывает анализ, особой полноты, емкости и выразительности изображения Лермонтов достигает путем умелого синтеза нейтральной лексики с эмоциональной.

2. **Стилистически ограниченная лексика**, выделяемая в словаре романа, может быть подразделена на общественно-политическую, специальную (литературно-критическую, военную, морскую, медицинскую, карточной игры) и разговорно-просторечную.

1) **Общественно-политическую** лексику выделяет из других пластов лексики ее стилистическая закреплённость за общественно-публицистическим стилем, а также за той частью словаря, которую составляют названия явлений, понятий, связанных с различными сферами общественно-политической жизни: отечество, общество, свет, господин, барин, император, титулярный советник, урядник и др. Эти слова характеризуются не только предметно-логическим значением, но и отдельными смысловыми напластованиями, которые не получают своего внешнего выражения, но которые складываются при употреблении слов различными социальными группами. У Лермонтова в употреблении слова **общество** находит отражение классовая оценка понятия: деление на высшие и низшие слои (разочарование..., начав с **высших** слоев общества, спустилось к **низшим** — 214). Это же слово находим в значении «узкий круг людей дворянской среды» в речи Печорина. Ярко выраженная классовая оценка его синонима **свет**, который используется в романе, находит отражение и в Сл. 1847 г.: «Большой свет: зн. общество высшего класса людей» (IV, 107)*

Как показывает сравнительный анализ этой категории лексики в других произведениях Лермонтова, писатель продолжал традиции А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, поэтов-декабристов и внес много нового в понимание ряда общественно-публицистических терминов, которые начали по-новому осознаваться его современниками. Слова **родина**, **отчизна**, **отечество**, **свобода**, **вольность** и др., встречающиеся во многих его произведениях, несут положительные значения.

2) **Лексика специальная** (литературно-критическая, военная, морская, медицинская, карточной игры). К специальной лексике относятся слова, связанные с различными сферами человеческой деятельности. Анализ наиболее характерных лексических пластов литературно-критической лексики в языке романа позволяет наметить следующие группы лексики этого рода: I. Лексика, выра-

* Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. АН, Т. I—IV, СПб, 1847 г. В дальнейшем: Сл. 1847 г.

жающая общелитературные понятия: род, вид, жанр литературы, элементы сюжета и т. д.: **повесть, рассказ, поэзия, роман, эпиграмма, завязка, развязка** и др. 2. Слова, употребляемые для наименования деятелей литературы и критики: **автор, сочинитель, поэт, читатель, рассказчик** и др. 3. Слова, употребляемые для наименования героев и литературных терминов: **оратор, портрет, характер**. Выражение М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» приобрело значение общественно-политического термина в широком смысле и литературоведческого термина в частности. 4. Слова, связанные со сценической деятельностью: **афиша, представление, (пятый) акт, фокусник, (первая) роль** и др. Эти термины были зафиксированы Словарями АР* и 1847 гг. Они уже использовались Марлинским и Пушкиным. Лермонтов выступает продолжателем Пушкина в использовании этой лексики и в частности в переносном ее употреблении. Она встречается только в речи Печорина как отличительная черта представителя образованной части дворянского общества.

Военная лексика привлекается в роман в небольшом объеме (49 слов) и представлена в ряде тематических групп, куда входят слова, обозначающие наименования: 1) военных укреплений (**крепость, бастион, линия**); 2) войсковых соединений, частей (**гарнизон, полк, рота, корпус, пикет**); 3) вооружения, боеприпасов (**пушка, пистолет, заряд, порох** и т. д.); 4) обмундирования (**армейский пехотный мундир, шинель**); 5) слова, указывающие на военный быт (**доклад, приказание, приказ** и др.). Военная лексика выступает как необходимое средство реалистического изображения действительности и определения профессиональной принадлежности героев. Она используется в речевых партиях Максима Максимыча, Печорина, Грушницкого и др. Характерной особенностью этого слоя лексики является то, что многие слова в то время были хорошо известны читателям, они не были отмечены архаичностью, среди них и те, которые в современном восприятии кажутся устаревшими (кольчуга, пикет). Часть военных терминов используется в метафорическом смысле, способствуя возникновению экспрессивности в контексте (устоит ли азиатская красавица против такой **батареи** — 208 — т. е. подарков. — Г. Л.).

Сравнение путей использования **морской** лексики в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского и М. Ю. Лермонтова говорит о том, что, в отличие от писателя-романтика, перенасыщавшего свои произведения морской терминологией, Лермонтов проявляет большой художественный такт в ее применении. С ее помощью достигается точность описания, конкретизация и детализация изображаемого. Морская терминология не требует особого комментирования (**бриг, сторожевое судно, маяк, бухта, пристань** и т. д.) Она выступает как элемент речевой характеристики Печорина. Писатель удачно сочетает специ-

*Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, вновь пересмотренное, исправленное и пополненное издание, ч. I—VI, СПб., 1806 — 1822 гг. В дальнейшем: Сл. АР.

альную терминологию с общеупотребительной и элементами народно-песенной лексики.

Медицинская лексика используется для описания деятельности и быта персонажей, как средство их речевой характеристики. Медицинская терминология входит в литературный язык начала XIX в. вместе с проникновением иноязычных заимствований и находит свое применение в речи специалистов, а также значительной части других слоев населения. В качестве медицинской терминологии употребляются слова, принадлежащие к различным тематическим группам: **доктор, анатомик, медик, расслабление нервов, нервический припадок, ревматизм, чахотка, апоплексический удар, насморк, желчная горячка, препараты, микстура** и др. Синонимический ряд: **доктор, анатомик, лекарь** используется писателем дифференцированно (в речи Печорина и Вернера — первые три, у Максима Максимыча — лекарь). Хотя Сл. АР, 1847 г. и Дала не указывали на принадлежность слова **лекарь** к разговорному стилю, однако уже у Лермонтова намечается тенденция к отнесению его в разряд разговорных.

Из терминов **карточной игры**, которые вводятся в роман, отмечены следующие: **вист, бостон, понтер, банк, штосс, семерка** и др., **поставить ва-банк, докинуть талью, зеленый стол**. В использовании терминов карточной игры Лермонтов следует традициям Пушкина и Бестужева-Марлинского и привлекает их для реалистического показа жизни персонажей.

3) Значительный пласт слов в романе представлен **разговорной и просторечной** лексикой, которая, в отличие от общеупотребительной, имеет образно-оценочный характер: **погодить, вздор, зазеваться, глядь, волочиться, подгулять, девка, горланить, закадычный, битый час, больно (очень), покамест** и др. Начало XIX в. в литературном языке характеризуется тенденцией перехода от литературной высокопарности, книжности высказывания к естественности разговорной речи, отличающейся точностью, выразительностью. Лермонтов, как и Пушкин, включает в роман элементы разговорной речи, которая воспроизводится в рассказе Максима Максимыча и в журнале Печорина, не стесненных узкими рамками книжного языка. В количественном отношении у Лермонтова ее значительно больше, чем у Пушкина.

Для определения стилистической принадлежности слов используются данные Сл. 1806—1822 и 1847 гг. В связи с этим следует оговориться, что в этих словарях неполно представлена употребленная М. Ю. Лермонтовым лексика современного ему русского литературного языка и используемые в словарях пометы не соответствуют современной терминологии. В названных Словарях приняты пометы **простонародный, просторечный**, последнее также для обозначения переносного употребления слов чаще всего в разговорной речи. Просторечие в XIX в. противопоставлялось «красноречию», высокому стилю. В терминологии наших дней под просторечием понимается стилистически сниженная, полулитературная речь, отличающаяся в большинстве случаев отрицательно-эмоциональной окраской. Поэтому то, что в Словарях представлено, как просторечие, рассматри-

вается нами как разговорное, то, что дано с пометой простонародное, — просторечное. Таким образом, в романе насчитывается 156 разговорно-просторечных слов, 29 из них в наше время стали общеупотребительными. Это: **жадность, мчать, увлекать, погонять, грезиться, личина, повесить (голову), расселина, горячиться, грубый, жаркий, тянуться, повеса, сплетня, вытряхивать, выхлебнуть, гоняться, выназывать** и др. В романе встречается категория слов, не зарегистрированных Сл. 1806—22 г., но зафиксированных уже Сл. 1847 г.: **больно, бестия, взбелениться, воротиться, галиматья, грянуться, добряк, завизжать кабы, неужто, побесить, поболтать, побрякивать** и др. Использование этой группы слов в романе указывает на то, что Лермонтов своим творчеством способствовал введению и закреплению в литературе разговорной лексики. Целый ряд общеупотребительных слов используется в романе в переносном значении, приобретая разговорную окраску. Эта окраска и новые значения не всегда отмечались словарями XIX в.: **полететь (упасть), подмывать, умывать (руки), пожирать (глазами), бушевать, вытянуть (узнать), ссадить (подстрелить)**.

Анализ стилистических функций разговорной лексики в романе показывает, что эта лексика является одним из средств создания непринужденной тональности повествования, достижения народности и простоты речи. Параллельное употребление в одном контексте разговорных слов и общеупотребительных способствует усилению экспрессивности изображаемого (он захрапел, но я не мог заснуть — 261). Разговорная лексика служит средством речевой характеристики героев: Максима Максимыча, Печорина, Грушницкого, драгунского капитана и др. Часть ее выступает в качестве языковых метафор.

Просторечные слова составляют небольшую группу и используются в речевой характеристике Максима Максимыча, есаула и десятника: **кабы, стянуть, взбелениться, бестия, шнырять**.

Диалектная и украинская лексика используется чрезвычайно редко, ограничиваясь только словами, входящими в речевую партию Печорина (**балка, бельмы**) и слепого мальчика (нема, побигла, ни, утикла, бис).

Анализ лексики романа с точки зрения ее стилистического функционирования показывает картину расслоения лексического состава языка. Наиболее важной и употребительной оказывается межстилевая лексика. Вводя стилистически ограниченную лексику, Лермонтов своим авторитетом писателя способствовал дальнейшему развитию данных пластов слов. В то же время использование их в языке романа не было у писателя самоцелью, а определялось необходимостью решать те художественно-эстетические задачи, которые он ставил перед собой.

Глава II — «Эмоционально-экспрессивная лексика». Отдельному рассмотрению подлежат экспрессивная и эмоционально-экспрессивная лексика, отношение между которыми определяется как отношение между общим и частным. Эмоционально-экспрессивная лексика противопоставляется лексике нейтральной,

интеллектуальной, выступающей в качестве опорных слов в синонимических рядах. Эмоционально-экспрессивная лексика дифференцируется на слова экспрессивные по своей природе (сносить, взобраться, подгулять, бродить, хохотать, лезнуть и др.) и на лексику эмоциональную.

Лексика эмоциональная служит для выражения чувств человека, его психического состояния, дает оценку тому или иному явлению действительности. Широкое использование эмоциональной лексики определяется тем, что для передачи размышлений такой сильно рефлектирующей личности, как Печорин, потребовались слова, выражающие настроение, чувства, переживаемые им самим или другими героями.

В романе выделяется 10 тематических групп, в каждую из которых включаются слова, выражающие понятия сходных чувств. В основе деления лежит логико-понятийный принцип. Помимо лексики с присущей ей эмоциональностью, рассматриваются также слова с контекстуальной эмоциональной окраской. Сюда входят группы слов, при помощи которых выражаются чувства: 1) радости, счастья, восхищения (**славный, чудесный, упоительный, величие, удалец, чудо** и т. д.); 2) обращает на себя внимание широкое использование синонимов (**славный, чудный, чудесный, великолепный, замечательный, божественный, необыкновенный, невыразимый, волшебный** и др.); 3) нежности, страдания (**страсть, милый, добрый, куколка, росинка** и др.); 4) гордости, независимости (**гордая, великодушие, честный, прехладнокровно** и др.); 5) пренебрежения, насмешки, неодобрения (**жалкий, плуты, грязный, скверный, преупрямый мальчишка, шайка, низко, подло** и др.); 6) злобы, ненависти (**подлость, месть, бешенство, дерзкий** и др.); 7) страха, подозрения (**беспокойство, содрогнуться, суматоха, тревога, страшный, отчаяние** и др.); 8) грусти, подавленности (**задумчивый, стыдно, печальный, рассеянный, скучно** и др.); 9) вежливости (**батенька, батюшка, милостивый государь** и т. д.); 10) аффективно-фамильярная лексика (**закадычный, улизнуть, слетки; братец** — в функции обращения — и т. д.); 10) грубая и бранная лексика (**дурак, мерзавец, черт, подлец, околевать, рожа** и др.).

Эмоционально-экспрессивная лексика используется: 1) для создания естественно-разговорного тона повествования; 2) как средство выражения эмоций, внутреннего состояния персонажей. Глубина психологического анализа обеспечивается широким использованием синонимии, чем достигается передача различных эмоциональных нюансов; 3) в оценочно-характеристических целях как средство выражения отношения персонажей к предметам, явлениям, другим героям. Из анализа следует, что одно и то же слово может выражать различный характер отношения героя — иронический, сочувственный, насмешливый, хотя по данным словаря оно не имеет ни одной из указанных квалификаций (напр., слово **бедняжка**). В контекстах с различной эмоциональной установкой характер эмоции, определяющийся из контекста, может соответствовать или не соответ-

ствовать характеру эмоций, определяемых в словаре; 4) эмоциональная лексика привлекается как средство создания определенной тональности текста — торжественной, иронической, неодобрительной, негодования, тоски, подавленности, жизнерадостности, любования, лиричности, ласки.

Глава III. — «Иноязычная лексика и ее стилистические функции». Эта лексика оказывается неоднородной по своему происхождению. Помимо лексики исконно русской, составляющей основной фонд языка, выделяем старославянскую, иноязычную (европеизмы) и экзотическую. Стилистические **старославянизмы**, т. е. те слова, которые ощущались как старославянизмы в литературном языке XIX в., используются в романе всегда мотивированно, количество их ограничено (37 слов): **пламень, исповедывать, усопший, внимать, отверженный, оный, сей, осененный, кающийся** и др. Лермонтов вслед за Пушкиным расширяет стилистическое функционирование старославянизмов по сравнению со многими своими предшественниками. Старославянизмы используются не только как средство создания приподнятой, торжественной тональности, как это наблюдаем у А. А. Бестужева-Марлинского, но и как средство иронии (Я стоял сзади одной толстой дамы, **осененной** розовыми перьями — 262. Он был довольно смешон в этом геройском **облачении** — 259), а также синонимические эквиваленты общепотребительных слов (смерть-кончина; небо-небеса), как средство речевой характеристики персонажей: Печорина, Грушницкого, Максима Максимыча.

В использовании **иноязычной** лексики, которая мощным потоком вливалась в этот период в русский литературный язык, Лермонтов стоял на прогрессивных позициях. Писатель вводит в текст только самые необходимые иноязычные слова, которые либо не имели семантических параллелей в русском литературном языке, либо имели русские эквиваленты, которые оказывались недостаточно вескими для обозначения определенных реалий, явлений, понятий. Основная масса иноязычной лексики романа восходит к французскому языку, который дал наибольшее число заимствованных слов в русский литературный язык XIX в. Преобладание галлицизмов объясняется также двуязычием писателя. При использовании иноязычных слов Лермонтов, в отличие от Пушкина и Марлинского, не дает подстрочных объяснений. Непродолжительность существования некоторых иноязычных слов в русском языке, а следовательно и их неполное усвоение языком сказывались на смешении некоторых категорий (рода, числа, — **фортепиано, фортепианы, кадрили мужск. и женск. рода**). Некоторая часть заимствованных слов, встречающихся в романе, не была включена в Сл. 1847 г., хотя они употреблялись в литературе до Лермонтова (пари, мсье, френолог, денди, бульвар и др.).

Принцип точности и сжатости повествования побуждал Лермонтова к использованию иноязычных слов в качестве синонимических эквивалентов семантическим русским параллелям или для обозначения понятий, которые выражались в русском языке целым словосочетанием (компрометировать — вместо

подрывать чью-либо репутацию). Иноязычная лексика выполняет в романе следующие стилистические функции: 1) служит средством синонимической замены (покрывало — флер, дуэль — поединок); 2) является средством создания приподнято-торжественной лирической тональности (бард, инстинкт, амфитеатр, аромат); 3) средством создания насмешливо-иронической тональности (декламировать, оригиналы); 4) средством речевой характеристики героев (Печорина, Грушницкого и др.).

Третью группу заимствованной лексики составляют экзотизмы. В творчестве Лермонтова ярко наметились тенденции к своеобразному использованию и вводу экзотизмов. Важной чертой лермонтовского стиля, в отличие от писателей-романтиков, является умеренное использование экзотизмов: аркан, бешмет, буза, бурка, караван, чихирь, аул, сакля, архалуи и др. (всего 34 слова). Большинство из них было хорошо известно читателю по произведениям Марлинского, Пушкина, Одоевского, Сенковского и др. Та часть, в понимании которой могли возникать определенные трудности, объясняется либо автором (ср., напр., авторское объяснение слова **кунан**), либо героем романа (**джанечка—душенька** в речи Максима Максимыча). Эти способы ввода непонятных читателю слов не были оригинальными. Значительным своеобразием отличается такой принцип ввода экзотической лексики, когда значение ее не объясняется, но уясняется из ситуации, из словесного окружения (у меня был кусок **термаламы**, я обил ею гроб — 218. Урус яман, яман! — заревел он — 200). В этом случае нет намеренного обращения внимания читателя на экзотизм.

В отличие от Марлинского, который использовал экзотизмы с установкой на внешний эффект, Лермонтов включает экзотическую лексику как необходимый элемент в создании местного колорита, в характеристике быта и национальных особенностей народностей Кавказа. Экзотическая лексика служит средством речевой характеристики отдельных персонажей: Максима Максимыча, Печорина, Казбича, Азамата. Экзотизмы выступают в качестве синонимических эквивалентов соответствующих русских слов (**аллах** — пророк, **гяур** — казак, **чадра** — покрывало). Использование заимствованной лексики в романе является эстетически и стилистически мотивированным. Лермонтов активизирует ее потенциальные стилистические возможности, отбирая и применяя все то лучшее, что было сделано его предшественниками.

Глава IV — «О работе Лермонтова над стилем романа». Лермонтов проявлял заботу о точной, правильной, краткой и яркой речи, что вытекало из творческой манеры писателя, из задачи реалистического отображения действительности. На основании анализа рукописи романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и авторизованной копии «Предисловия» к роману было обнаружено, что наиболее характерным для творческой работы Лермонтова является **удаление из текста отдельных слов, фраз и целых предложений**, а также замена их более экспрессивными, эмоциональными словами, **перестановка отдельных слов**,

расширение текста путем уточняющих-слов, эмоциональной и экспрессивной лексики.

Сокращению подверглись места, в которых дается несколько декларативное, романтическое описание внешности героев (Печорина и др.), устраниаются громоздкие рассуждения из монологов Вулича и Грушницкого.

Ср.: об одном вас прошу:

об одном вас прошу:

стреляйте скорее и делу конец

стреляйте скорее (304).

Выражение «делу конец», как слишком рассудочное, снижающее внутреннюю напряженность фразы, поэт вычеркнул из рукописи. Фраза стала более эмоционально насыщенной. Автор избегает употребления придаточных предложений и деепричастных оборотов, отдавая предпочтение ясным, четким и более динамичным простым предложениям:

В продолжение ужина

В продолжение ужина

Грушницкий шептался

Грушницкий шептался

и перемигивался с драгунским капитаном,

и перемигивался с драгун-

который, пользуясь...

ским капитаном (280).

Замена текста, отдельной фразы, слова производится с целью избежания тавтологии, для усиления экспрессии, при подборе более емкого слова, которое наиболее полно выражало бы нужную мысль.

Ср. **Золотой** луч

радостный луч (298)

синем тумане утра

золотом тумане утра (301)

Эта замена объясняется тем, что указанные тропы были избитыми, часто встречающимися в литературе. Лермонтов стремится не только к оригинальности определения, но **и** преследует еще другую цель: передать определенное настроение, которое слово **золотой** не могло выразить в такой степени, как **радостный** (луч), где отражается жизнеутверждающее, ликующее настроение героя.

Очень часто используется синонимическая замена: интересная «занимательная (252), пошел» отправился (262) и др. Иногда слово, употребленное ранее в авторском тексте и зачеркнутое, восстанавливается снова: рассказ «повесть»-рассказ (220). Расширение текста — чрезвычайно редкое явление в языковой практике Лермонтова. Непосредственное знакомство с рукописями романа «Герой нашего времени» позволило выяснить еще одну очень важную деталь, которую только частично отметил в вариантах в академическом издании Б. М. Эйхенбаум, — это вставки Лермонтова в процессе самого письма, а может быть и после написания романа при повторном чтении и доработке текста. Больше всего такие вставки касаются имен прилагательных, использованных в качестве уточняющих слов и эпитетов, реже — метафор, которые писатель делал сверху написанного текста.

ненависти

неизъяснимой ненависти (229)

сердце

пыльное сердце (241)

ее пальцы стучали

пухлые ее пальцы стучали (310)

Путем использования всех этих приемов автору удалось достичь той краткости, точности, афористичности фразы и отдельного слова, которые высоко оценивались многими писателями. Таким образом, роман М. Ю. Лермонтова совершенствовал и обогащал лексику русского литературного языка послепушкинского периода. М. Ю. Лермонтов активизировал элементы многих лексических пластов (общеупотребительной лексики, специальной, просторечия, областные слова и др.), привлекал шире, чем А. С. Пушкин и А. А. Бестужев-Марлинский иноязычия как слова, отображающие реалии, без русских дублетов, как экзотизмы и как стилистические варианты русских слов.

М. Ю. Лермонтов путем переноса значения достигает необычайной образности в использовании общеупотребительной лексики. Глубокий психологический анализ, свойственный М. Ю. Лермонтову, оказывается возможным в результате использования им эмоционально-экспрессивной лексики. Тщательная работа над своим произведением позволила М. Ю. Лермонтову создать такой язык, такую прозу, из которой, по мнению А. Н. Толстого, «... и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов».

* * *

По материалам диссертации опубликованы следующие статьи:

1. Общеупотребительная лексика в портретных характеристиках персонажей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Научные записки Полтавского пединститута, т. XI, Полтава, 1959, стр. 194—205.

2. Материалы к изучению пейзажа в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Научные записки Полтавского пединститута, т. XII, вып. II, Полтава, 1961, стр. 70—78.

3. О работе М. Ю. Лермонтова над словом в романе «Герой нашего времени». Киевский пединститут. Некоторые вопросы языковедения и литературоведения. Научные записки, т. 32, Киев, 1962 г., стр. 27—43.

4. Специфически бытовая лексика (экзотизмы и локализмы) в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Полтавский пединститут. Доклады и сообщения на конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1963 г. Полтава, 1964 г.

5. Старославянская лексика в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Полтавский пединститут. Тезисы докладов и сообщений на конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1964 г., Полтава, 1965 г.

6. Иностранная лексика в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Тезисы докладов на конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1965 г. Полтава, 1965 г.

7. Изучение общественно-публицистической лексики в произведениях М. Ю. Лермонтова учащимися IX кл. Республиканский научно-методический сборник. Методика преподавания русского языка и литературы, выпуск 3. Киев, 1967 г.